

Анатолий ВЕНГЕРОВ

Синергетика и политика

Мудрец смотрит в замысел, а не в
исполнение.

Восточная поговорка

Перемена парадигмы?

Синергетика как наука о самопроизвольных, самоорганизующихся, случайностных процессах зародилась в сфере естествознания¹. Но она постепенно и все более уверенно прокладывает дорогу и в методологию наук общественных, в том числе в политологию. Все чаще в философских, политических, юридических, психологических и иных обществоведческих и гуманитарных работах появляются экзотические понятия неравновесности, нестабильности, бифуркации, фазовых переходов, нелинейности, малых воздействий, аттракторов и некоторые другие, составляющие ядро понятийного аппарата синергетики².

По существу, происходит процесс, в чем-то аналогичный становлению в свое время кибернетики. Начинается все с вроде бы невинного использования новых понятий для анализа и объяснения запутанных и сложных социальных явлений, а затем вдруг обнаруживается, что эти социальные явления и многие естественнонаучные феномены имеют одну и ту же природу, подчиняются одним и тем же фундаментальным началам. Человеческая мысль поднимается на новый уровень познания и с надеждой, удивлением и тревогой рассматривает открывшиеся ей новые глубины и дали.

Правда, между синергетикой и кибернетикой существует большая

¹ См., например, Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 1986; Хакен Г. Синергетика. М., 1985; Баблюнц Ф. Молекулы, динамика, жизнь. Введение в самоорганизацию материи. М., 1990.

² См., например, Пригожин И. Переоткрытие времени. «Вопросы философии», 1989, № 8; е г о ж е. Философия нестабильности. «Вопросы философии», 1991, № 6; М о и с е е в Н. Н. Человек во Вселенной и на Земле. «Вопросы философии», 1990, № 6; Назаретян А. П. Интеллект во Вселенной. М., 1991; К н я з е в а Е. Н., К у р д ю м о в С. П. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным. «Вопросы философии», 1992, № 12; В е н г е р о в А. Б. Синергетика, юридическая наука, право. «Советское государство и право», 1986, № 10; е г о ж е. Пророчества и предсказания: за и против. М., 1991; Л о т м а н Ю. Все взрывные эпохи в истории описываются ретроспективно. «Независимая газета», 4 декабря 1992.

Венгеров А. Б. — доктор юридических наук, заведующий кафедрой Московского юридического института.

разница. Кибернетика претендовала на общенаучное значение в познании управленческих процессов, протекающих в механической, биологической и социальной средах, и, подчеркнув, отстояла его. Синергетика замахнулась на несравненно большее. Она выступает уже как новое мировидение, мировосприятие, коренным образом меняющее понимание необходимого (закономерного, детерминированного) и случайного в самых основах мироустройства. По-новому начинают трактоваться причины и формы развития неживой материи и исторических процессов в экономической, политико-социальной и иных сферах человеческой жизнедеятельности. Возникает новое понимание случая как самостоятельного фактора биологической и социальной эволюции, признание его роли в самоорганизующихся процессах.

«Детерминизм,— пишет один из основоположников синергетического мировосприятия И. Пригожин,— представлявшийся неизбежным следствием рациональной модели динамики, сводится ныне к свойству, проявляющемуся лишь в отдельных случаях»³.

Словом, речь, по-видимому, идет — не больше и не меньше — о смене парадигмы общественных наук, об отказе от предыдущего понимания и признании детерминизма и, возможно, об открытии новых видов детерминизма, а в отечественной науке еще и о переосмыслении материалистической диалектики как основного метода научного познания действительности⁴.

По-видимому, новая парадигма в методологии общественных наук, кроме всего прочего, либо будет включать диалектику как частный метод синергетики — и то лишь для некоторых областей,— либо вообще заменит ее принципиально новыми подходами к действительности.

Дело в том, что синергетика по-иному, чем диалектика, особенно в ее материалистической модификации, решает проблему онтологии и гносеологии. Если для сторонников материалистической модификации и диалектика, и теория познания, и логика являются одним и тем же, а универсум «живет» тоже по диалектическим законам, то для синергетического мировосприятия эти постулаты не являются доказательными, да и диалектическое единство онтологии и гносеологии пока не обнаруживается. Кроме того, надо, наконец, признать, что многие истоки кризиса идеологии и практики марксистской теории, в том числе и ее политико-правового сегмента, находятся в глубинах диалектики, на которой базировалась эта теория. По-видимому, материалистическая диалектика с ее приматом необходимого над случайным и другими постулатами под напором новых знаний конца XX века и нового исторического опыта исчерпала в основном свой познавательный и прогностический потенциал, по крайней мере в социальной сфере. Нельзя забывать и о том, как искусно, хотя во многом, разумеется, и искусственно, он был приспособлен для антигуманных, а порой и геноцидных политических целей в нашей стране, особенно в 20—30-х годах. Чего стоило, например, только одно обоснование политического вывода «об обострении классово-борьбы по мере победы социализма» ссылками на диалектическое положение «о борьбе противоположностей как источнике развития»!

И не надо думать, что с подобным гипертрофированием диалектики уже покончено, что диалектика и ныне не используется как натурфилософия, когда какой-нибудь верный или спорный постулат диалектики кладется в

³ Пригожин И. Переоткрытие времени. «Вопросы философии», 1989, № 8, с. 4.

⁴ См., например, Ахундов М. Д., Баженов Л. Б. Естествознание и религия в системе культуры. «Вопросы философии», 1992, № 12. Авторы пишут: «На наш взгляд, никакой особой диалектической логики, противостоящей обычной формальной логике, просто не существует. Это... обычное рациональное мышление, взявшееся рассуждать о достаточно сложных материях» (с. 50—51).

основу реальных политико-правовых процессов. Уже в 1993 году читаем в книге В. Лазарева «Теория государства и права» (кстати, хорошей книге по иным критериям): «в силу закона отрицания отрицания государство и право своим появлением не просто заменяют органы и нормы первобытного общества, но и наследуют, вбирают в себя нечто от «взорванных» институтов родового строя»⁵. Такой вот сильный этот диалектический закон, что и в политико-правовой сфере все определил и объяснил раз навсегда!

Приведенная таблица дает, по крайней мере схематическое, представление о той глубине различий, которая уже возникла между диалектикой и синергетикой.

Таблица сопоставлений *

Развитие (динамический процесс)	Диалектика	Синергетика
Причины	Единство и борьба противоположностей; противоречивость; отрицание отрицания; переход количества в качество	Неравновесность; нестабильность; кризисы; эволюция и коэволюция
Формы	Прерыв постепенности; «скачки»; «по спирали» («снятие»); от низшего к высшему	Накопление флуктуаций (отклонений); бифуркация; фазовые переходы; самопроизвольные переходы системы в новое состояние; нелинейность, лавинообразные процессы; самоорганизация
Свойства	Детерминированность; случайное—форма проявления необходимого	Вероятностная случайность; гадательный случай (появление веера возможностей и их отбор); детерминированность (отдельные области универсума)
Факторы	Объективные; субъективные; закономерности; тенденции	Малые воздействия; случай; аттракторы; параметр порядка; воздействие процессов на микроуровне через мезоуровни на макроуровни
Результаты	Необходимое в конечном счете; возвратное движение; изменение (в том числе воздействие изменившейся среды на субъекта динамического процесса)	Появление многоуровневого целого-неравного сумме частей; новая неравновесность; необратимость; несоответствие замыслу; усложнение
Способы познания и проверки результатов	Восхождение от абстрактного к конкретному и от конкретного к абстрактному; практика-критерий истины	Рационализм; редукционизм; коэволюционизм; непредсказуемость

* Составлена автором.— *Ред.*

Конечно, эта схема, как и любая иная, весьма условна. Многие позиции можно было бы дополнить. Дискуссионно и разнесение тех или иных положений диалектики и синергетики по характеристикам динамических процессов (развития). Да и сами эти характеристики могут быть оспорены. И тем не менее такая схема благодаря ее наглядности и структурированности имеет определенную познавательную ценность.

⁵ Лазарев В. В. Теория государства и права. М., 1993, с. 30.

Кроме того, дело в настоящее время заключается уже не в том, чтобы вновь и вновь описывать и обосновывать содержание синергетики, раскрывать его в сопоставлении с другими методологиями. Это уже сделано в ряде фундаментальных работ. По моему мнению, сейчас центр исследовательских усилий сместился от понимания общих начал синергетики к изучению того, что это новое направление и достижение человеческой мысли может дать в конкретных областях жизнедеятельности, что объяснить, что предсказать, на что сориентировать.

Политика — испытательный полигон?

При таком подходе оказывается, что одной из благодатных областей нового синергетического прочтения является политико-правовая действительность, особенно политическая сфера, столь актуальная сейчас для России. И пусть такое прочтение возможно пока на уровне самых общих методологических подходов, а не модельного отображения, конкретных рекомендаций, прогнозов — все же и такой уровень познания может быть весьма полезен. Ибо в сфере политики все буквально кипит от столкновения необходимых и случайных явлений. В ней возникает множество нестабильных, неустойчивых процессов, действуют синергетически неравновесные социальные институты. Задуманное и спланированное столь часто при осуществлении оборачивается прямо противоположным, начинает развиваться совершенно иначе, подчиняясь каким-то своим, самоорганизационным началам, что думаешь: а не появилась ли вообще политика как сфера возникновений, столкновений и объединений интересов, организации и реализации государственной власти, существования партий, национальных движений и прочих атрибутов политической жизни еще и для того, чтобы специально демонстрировать торжество синергетического мировосприятия?!

Ведь именно в политике какие-то, вроде бы по историческим масштабам и незначительные, случайные политические акции (например утечка информации, гибель политического лидера) приводят к потрясению государственных основ и даже миропорядка. И не всегда просто решить: то ли эти малые, порой случайностные воздействия являются всего лишь спусковым крючком тех тенденций, закономерностей, которые так или иначе нашли бы свою траекторию и мишень, то ли именно эти малые воздействия на микроуровне и выступают фактором, столь сильно потрясающим, вплоть до макроуровня, всю политическую систему.

И речь не идет об агностицизме, об отказе от научного познания сложной политической сферы. Напротив, с одной стороны, эта сфера, как, может быть, никакая другая, нуждается в новой методологической базе для решения своих проблем. С другой стороны, политика действительно дает синергетике необыкновенно богатый материал для дальнейшего наращивания методологических мускулов.

Например, вся история распада СССР, если бы она не была так политически горька и драматична, не задевала так болезненно многих участников этой исторической трагедии, уже сейчас могла бы составить одну из академических, вполне спокойных глав учебника синергетики для сомневающихся.

Посудите сами. В нестабильной федеративной системе, существовавшей последние годы «устойчиво неравновесно»⁶ за счет преобразований, в том

⁶ Это одно из общих и очень важных понятий синергетики в последнее время весьма успешно отстаивает А. Назаретян (см. Назаретян А. П. Интеллект во Вселенной. М., 1991; е г о ж е. Историческая эволюция морали: прогресс или регресс. «Вопросы философии», 1992, № 3).

числе и разрушений, окружающей среды (перестройка этнических, культурных, демографических, психологических, религиозных, языковых, экологических, экономических и иных процессов у народов, населяющих СССР), подвергавшейся внешним и внутренним воздействиям (чего стоило одно определение «империя зла»), стали накапливаться многочисленные флуктуации (отклонения) от нормальных федеративных начал государственности.

Среди, них: *финансовые* (некоторые республики, и прежде всего Россия, отказались вносить в союзный бюджет установленные платежи); *политические* (тут возник большой спектр: от перевода федеративных начал в конфедеративные — так называемый ново-огаревский процесс — до прямой борьбы за власть между советскими, партийными и другими общественными структурами); *юридические* (прямые нарушения Конституции, например заявление глав союзных республик вместо решения Съезда народных депутатов, искажения иерархии законов — объявление некоторыми республиками о примате республиканских законов над союзными, одновременное существование противоречащих друг другу союзных и республиканских законов по одним и тем же вопросам); *национальные* (противоречия перерастали в вооруженные межнациональные конфликты); *экономические* (разрушались хозяйственные связи: сначала из-за так называемого регионального хозрасчета, сыгравшего на руку сепаратистам и разрушившего в конце концов единую народнохозяйственную систему, а затем из-за спада производства, роста цен); *военные* (все чувствительнее становятся последствия поражения СССР в «холодной» и «горячей», афганской войнах); *психологические* (обострилось амбициозное противостояние двух президентов — М. Горбачева и Б. Ельцина). Порой даже полицейские флуктуации становятся решающими: делаются и проваливаются попытки путем военно-полицейских акций устранить центробежные силы (Тбилиси, Баку, Вильнюс, Рига и др.).

К лету 1991 года уровень названных флуктуации, степень их концентрации вокруг узловых, «несущих» конструкций государства достигали критических значений. Именно под влиянием этих флуктуаций к лету 1991 года СССР как система входит в бифуркационное состояние и его возможные изменения становятся многовариантными и непредсказуемыми. Наличие разных вариантов преобразования СССР сейчас признают многие политики. В частности, президент Кыргызстана А. Акаев подчеркнул, что вместо беловежского варианта были и иные — преобразование СССР в экономическое сообщество по образу и подобию ЕЭС или в конфедеративное объединение.

Но в декабре 1991 года внезапно реализуется иной план: осуществляется соглашение всего трех высших должностных лиц из шестнадцати глав республик и Союза ССР. Но это синергетическое воздействие приводит к нелинейности развития, начинается лавинообразный распад СССР в результате цепной реакции самоопределения многих народов СССР.

Последствия этого нелинейного процесса оказываются непредсказуемыми, самопроизвольными, самоорганизационными. Это и еще более катастрофический распад хозяйственно-экономических связей, и рост межнациональных вооруженных конфликтов, и продолжающийся спад производства, и новые витки инфляции. Это и возникшие территориальные проблемы, и упадок культуры, и угроза существованию науки, здравоохранения. Это и обнищание многих социальных слоев в ходе экономических реформ, и рост социально-политической напряженности. Наконец, самое страшное — неразбериха с управлением стратегическими ядерными силами, а также многое другое.

А добеловежские представления о неперменном благосостоянии ставших суверенными республик, о «прозрачных» границах, о сохранении рублевой зоны, как и многие другие благожелания, оказываются иллюзорными, наивными, демагогическими (впрочем, случайное исключение здесь — Туркмения).

Разумеется, синергетический анализ распада СССР не является самоцелью, хотя причины, формы и последствия такого распада еще долго будут предметом многочисленных исследований и размышлений. Этот анализ может быть полезным и для понимания процессов распада многих других федеративно устроенных (как правило, на многонациональной основе) государств. Ведь процессы распада весьма своеобразно, подвергаясь разным случайным и иным воздействиям, идут (или уже прошли) в СФРЮ, ЧСФР, Грузии, Азербайджане. И Канада, и Бельгия, кажется, тоже не могут избежать сложных процессов изменения своего государственного устройства, причем с разными тенденциями в федеративной сфере.

И конечно, особенно полезным может оказаться такой анализ для понимания и прогнозирования судьбы государственности в России. Здесь возникает много вопросов: коснется ли всеобщий процесс распада федераций также и России; может ли новый — не просто конституционный, но конституционно-договорной — способ формирования государственности сдерживать центробежные силы; каковы те флуктуации, которые уже возникли в социально-политическом пространстве России, и каков уровень их концентрации; каковы могут быть малые воздействия, способные толкнуть Россию в очередную социальную бифуркацию; какой очередной вид политической патологии может обрести устойчивое неравновесие в сфере разделения властей, и т. д.

Думаю, что особенно важным является в этой связи синергетический анализ накапливающихся в России флуктуаций и возможных воздействий. Его следует осуществлять, учитывая, конечно же, специфику федеративной природы России. Ведь именно Россия представляет собой уникальное федеративное образование, включающее, с одной стороны, иные республики, а с другой — классические административно-территориальные образования (края, области). И если, например, выход республик из состава СССР или их решение о прекращении действия учредительных документов, которые стали юридической основой Союза ССР, означали распад Союза, то для России даже выход некоторых республик из ее состава еще не означает конец ее государственности, не прекращает легитимности ее государственной власти.

Но сегодня Россия — реальное федеративное государство. Тем опаснее для ее нормального федеративного существования становится определенный груз флуктуаций, реально накапливающийся в ее узловых конструкциях. А они почти те же, что возникали в бывшем СССР. Например, финансовые: некоторые республики, другие структурные образования полагают возможным сначала полностью удовлетворять свои финансовые потребности и лишь затем оставшиеся средства переводить в федеральный бюджет. Впрочем, такие отклонения возникают и на федеральном уровне. Там, в частности, урезается размер средств, необходимый регионам для решения социальных программ, однако именно на плечи регионов перекладывается все большая ноша этих программ. Возникают и юридические флуктуации: возрастает несоответствие конституций и законов республик Конституции Российской Федерации, а Федеративный договор, содержащий три вида компетенции — исключительную для федерации, совместную с республиками и компетенцию самих субъектов федерации, — еще не стал юридичес-

кой базой для нормальной деятельности исполнительной и законодательной властей⁷.

Накапливаются флуктуации в военной, национальной, лично-властной сферах. И все это происходит на фоне удручающего экономического, финансового, экологического состояния общества.

Поэтому утверждения о вхождении государственности России в очередную бифуркационную зону имеют под собой серьезные основания. Они не относятся к категории пессимистических или оптимистических прогнозов — просто таково сегодня социальная реальность.

Особенно непредсказуемым может стать политическое состояние, когда откроются шлюзы референдных, избирательных кампаний. Многие из политиков торопятся стать общероссийскими лидерами или, по крайней мере, уже сейчас готовятся к тем баталиям, которые начнутся, когда в силу разных обстоятельств «откроются вакансии». Ведь в социально-политической структуре России не имеется ни устойчивых и мощных политических партий (за исключением, может быть, обновленной коммунистической партии), ни подготовленных и признанных общественным сознанием воспреемников нынешних руководителей государства. Тут действительно новым лидером, а скорее всего диктатором, хотя и в экзотическом псевдodemократическом оперении, может стать совершенно неожиданная и случайная фигура!

Как известно, история учит тому, что она ничему не учит. Ситуации, когда действующие в комплексе отклонения от нормальных федеративных начал государственности начинают превосходить некий критический уровень и переводят государственность в новое, непредсказуемое состояние, возникали неоднократно в последнее время. Их действие, вопреки приведенной поговорке, и должно учитываться в первую очередь применительно к нынешнему состоянию России. Переход ее государственности в новое состояние — это, пожалуй, наиболее вероятный из многочисленных вариантов исторического развития. Впрочем, он реализуется, если обществу не удастся переломить нарастающее давление флуктуаций, их грозное суммарное воздействие.

Случайное в политике

В этой связи актуален тот методологический пласт синергетики, который охватывает проблему случайного.

Синергетика позволяет по-новому взглянуть на субъективное, случайное в политико-правовой действительности, понять, что случайность — не побочное, второстепенное, а, наоборот, вполне устойчивое, характерное свойство, условие существования и развития самой политической жизни.

Разумеется, на эмпирическом уровне человечество давно догадалось о

⁷ В марте 1993 года в России насчитывалось 18 основных законов и их проектов — это общероссийская Конституция 1978 года (с учетом поправок), конституции Татарстана и Чечни и 15 проектов конституций, готовых к ратификации парламентами республик, подписавших Федеративный договор. Ст. 17 чеченской Конституции провозглашает республику независимым государством. Ст. 59 Конституции Татарстана называет его «... ассоциированным с Россией государством». А отказ от принятия Федеративного договора с его попытками хоть как-то установить, разграничить компетенцию федерации и ее субъектов по сферам государственного управления прикрывается в отношении Татарстана формулой «взаимного делегирования полномочий». Но это — наивная попытка осуществить юридическое прикрытие фактического политического выхода Татарстана из состава федерации.

Проекты конституций Тувы (ст. 8), Карелии (с. 12), ст. 41 Конституции Якутии-Саха устанавливают верховенство своих законов над общероссийскими. То же самое в проектах законов Калмыкии, Бурятии, Башкортостана. Кроме того, «за республикой Башкортостан сохраняется право свободного выхода из состава Российской Федерации» (ст. 64 соответствующего проекта закона). См. подробнее Емельяненко В. Россия рухнет, если будет по-прежнему делиться на вассалов и сюзеренов. «Московские новости», № 6, 7 февраля 1993.

включенности случая в цепь исторических событий, о том, что подчас случай, а не что-нибудь иное, порождает веер возможностей, из которых затем жизнь отбирает разными способами одну — увы, не всегда самую лучшую. Еще в Древнем Риме говорили: «Если к тебе пришла Фортуна, то постарайся посадить ее на самый удобный стул». Известная формула «политика-искусство возможного» также отражает умение находить и использовать возможность, порождаемую в том числе и случаем, для осуществления самых захватывающих политических и иных целей. И сколько красноречивых примеров роли случайного в политике — от самого высокого, благородного свойства до самого низкого, злодейского уровня — можно было бы привести для иллюстрации этих положений только из отечественной истории последнего времени!

Но, подчеркну еще и еще раз, дело не в примерах. Синергетика позволяет подойти к случайному в политике по-научному, как к явлению, имеющему характеристики, общие для случайного во всех сферах человеческого бытия. А значит, и более глубоко понять природу случайного в политике и лучше использовать это знание в политических целях. Да и сама политическая наука, как, впрочем, и другие общественные науки, например теория государства и права, делает отныне предметом своего изучения не только закономерности возникновения, функционирования и развития тех или иных социальных институтов, но и случайностное в сферах своих научных интересов.

При таком подходе случай оказывается не формой проявления необходимости (о, эта тупая предопределенность!), не явлением, причина которого якобы столь мала и затеряна среди других, что ее просто еще не нашли и не поняли, а тем, чем он и является на самом деле, — самостоятельным характерным свойством, условием, конструктивным элементом политической жизни.

Кроме того, надо различать два вида случайного. Один вид — это случай, который проявляется в массовидных, аналогичных, однотипных явлениях и процессах, когда количественные или качественные характеристики каждого явления или процесса неизвестны, непредсказуемы, но могут быть вычислены или определены на основании теории вероятности.

Когда в жизни происходят массовидные события со случайным исходом, то обнаруживается закономерность, позволяющая с определенной долей уверенности ожидать наступления той или иной случайности в результате происходящего. Числовой характеристикой этой доли уверенности и является вероятность⁸.

Нетрудно увидеть, как теория вероятности работает в сфере политики, например при оценке общественного мнения, в частности мнения избирателей. Для политиков различные показатели опроса избирателей (отношение к политическим акциям, рейтинги и т. п.) давно стали привычными и надежными инструментами. А об эффективности изучения случайного в массовидных процессах свидетельствует хотя бы та точность, с которой аналитики заранее определили победителей последних президентских выборов в США, в Литве.

Уже этот феномен не позволяет безоговорочно утверждать, как делают некоторые обществоведы, что «оставаться на точке зрения случайности и привходящих обстоятельств — значит оставаться во власти этих случайностей и произвольных решений»⁹. Да нет же — случайное, то, что «может быть», также включается в цепь причинно-следственных связей, и в политике должно составлять особую сферу размышлений, познания, оценок.

⁸ См. Гильдерман Ю. И. Закон и случай. Новосибирск, 1991, с. 4.

⁹ Нерсесянц В. С. Наш путь к праву. М., 1992, с. 43.

Второй фундаментальный вид случайного — это тот, который И. Пригожин называет «гадательным случаем». Применительно к политике это те события, которые имеют единичный характер. Их возникновение непредсказуемо, количественные или качественные характеристики неизвестны, вычислить их нельзя заранее. О «гадательных случаях» нельзя что-либо утверждать до тех пор, пока они не произошли. Это, например, стихийные бедствия, катастрофы, аварии, некоторые виды политических и иных кризисов, о которых говорят, что они «разразились», и т. п. К таким случаям можно отнести, например, убийства политических лидеров, оказывающие затем влияние на политическую жизнь. Увы, XX век «подарил» человечеству немало случаев именно такого рода, например убийство эрцгерцога Фердинанда в Сараево в 1914 году, Кирова — в 1934, Кеннеди — в 1963 году. Огромную негативную роль на судьбу СССР оказали Чернобыльская катастрофа, землетрясение в Армении... Этот тип случайного создает в политической жизни условия и возможности для развития событий в совершенно неожиданном, непредсказуемом направлении.

О политическом деятеле, который в состоянии иногда угадывать наступление таких случаев, приспособливать к ним свое поведение, организовывать соответствующие политические акции, говорят как об обладающем интуицией — качеством весьма ценным. Умение использовать интуицию превращает зачастую политического лидера в лидера харизматического, за которым устремляются люди, поверив в его провидческие качества.

Харизма чаще всего и связана со случайным. К сожалению, в отечественной политологии проблема харизмы была основательно затемнена рассуждениями о роли личности в истории, о герое и толпе, о культе личности и т. д. Между тем проблема харизмы становится весьма актуальной именно сейчас в политической жизни России, так как в нынешней политической среде, не структурированной партиями, оформленными политическими движениями, харизма приобретает особое значение, на нее начинают претендовать многие политики.

Эти рассуждения имеют самое непосредственное отношение к проблемам политики и синергетики. Ведь легитимность (признание, принятие, основа) той или иной власти может быть троякой, что впервые четко обосновал М. Вебер. Это — легальность, следование традициям, харизма. И именно харизма связана с принятием народом власти конкретных политических лидеров. Поэтому очень серьезно следовало бы относиться к тому политику, который обладает определенными харизматическими свойствами, как бы малы или даже смешны, случайны ни казались они в начале его политической карьеры.

Появление харизматического лидера часто определяет случай. Например, историк Р. Медведев, рассказывая о появлении на исторической сцене М. Горбачева, подчеркивает, что все началось с мало-значительной встречи и случайного события. В сентябре 1978 года Л. Брежнев и его помощник К. Черненко, следовавшие поездом из Крыма в Баку, остановились на несколько часов для встречи и беседы с отдохнувшим на курорте председателем КГБ Ю. Андроповым и первым секретарем Ставропольского обкома М. Горбачевым. Эта мало-значительная встреча, по словам Медведева, определила судьбы не только их участников, но и всей страны¹⁰.

Харизмы в политической жизни играют роль своеобразных аттракторов, тех неожиданных компонентов системы, которые собирают вокруг себя важные ее элементы, втягивают их в движение, в борьбу за власть, оказываются способными, придавая системе дополнительные импульсы не-стабильности, неравновесности, переводить ее в иные состояния.

¹⁰М е д в е д е в Р. А. Во главе КГБ. «Советская Россия», 6 декабря 1991.

Феномен «наоборот»

Еще одно качество политической жизни вполне укладывается в представления синергетики и с трудом может быть объяснено в рамках традиционной методологии. Это так называемый феномен «наоборот».

Он связан с тем удивительным свойством политики, что результат многих политических действий оказывается обычно прямо противоположным цели этих действий. При этом чем больше затрачивается политико-правовых средств (в широком смысле) на достижение политической цели, тем ничтожнее, мизернее оказываются достигнутые результаты. Кроме того, часто появляются побочные последствия, которые по своему негативному значению также превосходят прямые результаты.

Л. Санистебан в «Основах политической науки» описывает эти парадоксальные следствия политического действия. «В истории,— отмечает он,— часты примеры, когда политические движения, добившись победы, не только не достигали своих целей, но приходили к прямо противоположным им результатам»¹¹.

Яркий пример дает история фашизма в Германии, о которой, думаю, не стоило бы забывать и всем другим фашистам, в том числе отечественным. Целью германского фашизма Гитлера было создание мировой империи под немецким господством, которая должна была существовать тысячу лет. Но уже через 12 лет после прихода фашистов к власти Германия лежала в развалинах, была разгромлена, ее территория разделена, а население, поддерживавшее фашизм, заплатило огромную социальную цену за амбиции нацистов человеческими жизнями, глубоким унижением, разрухой.

А вот пример феномена «наоборот» в принципиально иной области — демократической. Как ни парадоксально, именно этот феномен сопровождал всю реформаторскую деятельность Горбачева. «Начиная свой нэп,— пишет историк А. Папушин,— пользуясь в целях сохранения внутривластной стабильности социалистической риторикой, горбачевское политбюро, тем не менее, сказало о демократии и гласности... В конечном счете гласность превратилась в капкан для самих ее инициаторов»¹². А попытки Горбачева сосредоточить в своих руках всю власть (Председатель Верховного Совета СССР, затем — Президент СССР, к тому же и Генеральный секретарь КПСС) и стать тем самым своеобразным аттрактором государственности, общенациональным харизматическим лидером, дали совершенно противоположный результат: власть ускользнула из его рук.

Но такие явления происходят не только в российской истории. Они вообще знамение (и, добавлю, несчастье) прежде всего революционных процессов, когда идеалы, как правило, искажаются социальной практикой. Когда революционные процессы в результате своих консолидации и институализаций (по выражению Санистебана) передают прежние привилегии — бытовые, имущественные, медицинские — определенным группам из победившей элиты, тогда начинается перерождение этой элиты и ее отступление от своих идеалов. Острый разрыв между идеалами, целями, провозглашаемыми революционерами, и присвоенными ими привилегиями бывает столь разителен, что приводит к перерождению революционеров. Они становятся на путь открытого насильственного подавления народа, поддержку которого использовали, и наступает самая черная реакция.

По-видимому, на вопрос о причинах феномена «наоборот» глобальный ответ дает только синергетика. В столкновение приходят цели, идеалы, словом, планоые, организационные начала, с одной стороны, и, с другой —

¹¹ Санистебан Л. С. Основы политической науки. М., 1992, с. 54.

¹² Папушин А. Путешествие в днах, или Год после Горбачева. «Московская правда»,

самоорганизация политической системы, самопроизвольные процессы на разных уровнях системы, которые самостоятельно, самопроизвольно формируются национальными, социальными, локальными, психологическими, языковыми и иными структурами. Именно их столкновение искажает вплоть до значения «наоборот» все, вроде бы так ладно политически задуманное и осуществляемое.

Думаю, например, что результат «наоборот» ждет и нынешнюю налоговую государственную политику в России. Попытки обеспечить эту политику обязательным представлением налоговых деклараций о доходах гражданина, налогоплательщика, инструктивная обязанность, которую возложили налоговые инспекции на бухгалтеров — сообщать в инспекцию о всех заработках граждан, работающих по совместительству, контрактам в фирмах и других организациях, создание налоговой полиции,— приведут к массовой неразберихе, снижению правовой защищенности граждан.

В стране отсутствует система выписки и присылки на дом счетов о перечисленных гражданину суммах; Сбербанк не дает вкладчику сведений об источниках денег, поступивших на его расчетный счет; чтобы получить или сдать декларацию, проверить возможную ошибку, придется выстаивать очереди в сберкассах, в налоговых инспекциях. Все это приведет к классической синергетической ситуации «наоборот». Нетрудно также предсказать, что в особенно сложное положение попадает творческая интеллигенция, если учесть еще и ее психологическую неготовность к составлению налоговых деклараций.

В ситуациях, когда сталкиваются организованные и самоорганизующиеся политические процессы, интересы, духовные, религиозные ценности и взгляды, особую роль приобретают малые, в том числе случайные, воздействия на микроуровнях. Именно они — эти воздействия — могут сыграть роль той самой сказочной мышки, которая, как известно, бежала, случайно хвостиком махнула, яйцо упало и разбилось. А ведь до того дед бил это яйцо, баба била...

Поэтому поиск и учет самоорганизационных начал, малых воздействий, их использование становятся важной задачей политической жизни, одним из методологически мощных средств, опирающихся на синергетическое восприятие.

Особенно наглядно можно показать, как «работает» самоорганизация в области национальных отношений. Здесь самоорганизационные процессы протекают особенно активно, сопротивляясь навязываемым схемам, штампам, утопиям. Само понятие национальности как юридически фиксируемой принадлежности к тому или иному этносу появилось официально в 1920 году во время всероссийской переписи (до того использовались понятия вероисповедания, подданства). Затем понятие национальности было использовано для национально-государственного размежевания в Средней Азии (отголоски тогдашнего «национального» перекраивания границ больно отзываются до сих пор!). С 1932 года это понятие вошло в паспортную систему (пресловутый «пятый» пункт). После этого национальность стала фиксироваться в иных документах вплоть до читательских карточек в библиотеках, попала даже в военный билет. Во многом этот процесс шел самопроизвольно, вопреки идеологическим утопиям о слиянии наций, примате интернационализма и т. п. Он подвергался и малым воздействиям, переводящим процессы в этой сфере из одного состояния в другое.

Например, в конце 30-х годов одна, лишь опубликованная фраза Сталина (своеобразное «малое воздействие») в беседе с немецким писателем Э. Людвигом о том, что антисемитизма в СССР нет, что за его проявления в СССР приговаривают к смертной казни, создала совершенно необычную политическую атмосферу, действительно лишенную антисемитизма.

И только в послевоенные годы началось возрождение этого явления,

сначала официальное (тоже после одной из статей о происках театральных критиков), а затем и бытовое. Все это было весьма парадоксально в своей основе — ведь именно СССР ценой невероятных усилий и жертв преградил дорогу фашизму.

Учитывая роль самоорганизации в национальных отношениях, очевидно, что одной из наиболее правильных политических стратегий в этой сфере было бы этническое саморегулирование. Иными словами, следует до минимума свести попытки как-то навязывать представления и ценности третьей стороны непосредственным участникам этнических конфликтов.

Особое значение это имеет для народов Кавказа, тысячелетняя история притирки и взаимодействий которых, конечно же, не закончилась ни в 1922, ни в 1936, ни в 1992 году. Их многочисленные культурные, национально-психологические, торговые, военные и иные взаимные контакты всегда определялись теми или иными реалиями. Поэтому правы те политики, которые в первую очередь стремятся в этом регионе вновь «запустить» механизмы этнического саморегулирования, убрать реликты и рецидивы навязывания воли иных сторон, иных центров участникам этих процессов.

От макиавеллизма к политической акупунктуре

Разумеется, при всех синергетических рассуждениях о политике главными остаются вопросы: как использовать это знание в практической жизни? Как перейти от распространения на сферу политики синергетической терминологии, пусть и отражающей новый уровень знания, к управлению по-новому понятием необходимым и случайным в политике? И можно ли вообще так ставить вопросы?

Думаю, что можно. Более того, новый взгляд на политику уже сейчас дает некоторые основания для перевода многих теоретических положений в плоскость их практических действий. Такой вывод можно сделать из вышеизложенного.

Но остается подход к политике в целом как к системе, как к самостоятельному блоку общественной жизни, как к определенной ценности. Ведь до сих пор понимание политики в целом, какими бы декорумами, правовыми и нравственными словесами оно ни обставлялось, не ушло дальше принципов-советов Макиавелли типа «менять образ действий с переменой времени и обстоятельств»; «помнить, что фортуна — женщина, и кто хочет с ней сладить, должен ее колотить и пинать — таким она поддается скорее, чем тем, кто холодно берется за дело»; «людей следует либо ласкать, либо изничтожать, ибо за малое зло человек может отомстить, а за большое — не может»; «великие дела удавались лишь тем, кто не старался сдерживать данное слово и умел, кого нужно, обвести вокруг пальца»; «разумный правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это вредит его интересам и если отпали причины, побудившие его дать обещание»; «обладать... добродетелями и неуклонно им следовать вредно, тогда как выглядеть обладающими ими — полезно»; «жестокость применять хорошо в тех случаях, когда ее проявляют сразу... и по возможности обращают на благо подданных», — словом, все то, что было затем обобщено в формуле «цель оправдывает средство»¹³.

Ничего не изменилось. Вот ведь и сейчас многие из отечественных демократов, которые впервые пришли к власти после августа 1991 года и стали «прогуливаться» по ее коридорам и усаживаться в ее кресла, не устают с горечью повторять: политика — грязное дело.

Думаю, что синергетика вообще как мировоззренческое просветление подоспела вовремя. Ибо человечеству все неумолимей стал грозить всепла-

¹³ Макиавелли Н. Государь. М., 1990, с. 7, 28, 52, 53, 76.

нетный экологический, демографический, продовольственный, сырьевой коллапс. И чтобы из него как-то выпутаться, человечество объективно нуждается в новых подходах к политике, так как в своих нынешних (по существу макиавеллиевских) формах, тенденциях политика тоже становится прямой угрозой существованию человечества.

Кроме того, всепланетное становление социальной и не очень социальной рыночной экономики привело к всё расширяющемуся распространению самоорганизационных процессов. И эти самоорганизационные рыночные основы всепланетной экономики также нуждаются в синергетическом понимании, т. е. в объяснении и прогнозировании в категориях сложности, неустойчивости, нелинейности и т. п.

Такой подход уже начал осуществляться. Так, в работах А. Ахиезера возникает фактически новый мир, где политическое пространство и время заполняют такие сущности, как «большое общество», «локализм», «утилитаризм», «монополия на дефицит», «соборность», «авторитаризм» и т. п.¹⁴ Можно соглашаться или не соглашаться с автором, осмысливающим политико-правовые, социальные и экономические реалии в новых категориях, но нельзя не заметить, что этот мир Ахиезера принципиально отличается от прежнего, в котором господствовали догмы: «политика—концентрированное выражение экономики», «политика—часть надстройки над базисом». Да и содержание многих процессов в новом мире Ахиезера — это, как правило, столкновение организуемых и самоорганизующихся начал, например «большого общества» и «локализма».

Думаю, что синергетическое «управление» политикой должно прежде всего включать понимание политической системы как многоуровневой. Это означает, что для решения каких-либо проблем недостаточно действовать лишь на одном уровне, например макроуровне, полагая, что перемены, которые произойдут на макроуровне, могут перестроить всю политическую систему.

Такой подход явился одной из принципиальных ошибок правительства Гайдара при проведении экономических реформ. Либерализация цен, осуществленная сверху, не привела к ожидаемому росту производства, конкуренции и снижению цен. Подобные ожидания и представления культивировались в советском обществе еще с 1988 года, когда в бытность Горбачева руководителем государства страна сделала первые шаги от распрелительной экономики к товарно-денежной, рыночной (закон о кооперации). От расширения хозяйственной самостоятельности государственных предприятий общество перешло к созданию кооперативов — частных, рыночного типа предприятий и организаций. Но ни тогда, в 1988 году, ни в 1992 году производство не возросло, цены не снизились.

Микропроцесс в экономико-политической сфере в этих условиях пошел по иному, чем ожидалось, бифуркационному пути: спад, в том числе из-за сознательного сдерживания производства, стал компенсироваться ростом цен; прибыль (в том числе сверхприбыль) стали получать от посреднической, «спекулятивной» (в традиционно распределительном смысле) деятельности, а не от производства товаров, оказания услуг.

Далее, политика как многоуровневая система оказывается весьма восприимчивой к резонансным явлениям. Резонансы в политике — это, как правило, наложение одного кризиса на другой (экономического на политический, правового на политический), усиление их интенсивности, совмещение однонаправленных политических процессов, притягивание к социальным аттракторам разных политических партий, социальных сил.

¹⁴ «Ахиезер А. Российский либерализм перед лицом кризиса. «Общественные науки и современность», 1993, № 1; е г о же. Россия как большое общество. «Вопросы философии», 1993, № 1.

Длительное время в отечественной политологии, теории государства и права, социологии господствовали постулаты, при которых причины политических кризисов искали главным образом в экономической сфере. Синергетика позволяет утверждать, что природа политических кризисов гораздо глубже, многогранней и подчиняется не только детерминистским началам. Политический кризис — это, конечно же, результат тупикового развития системы или тупикового состояния политических отношений, это замедление политического процесса или его перелом. Но это еще и глобальный или локальный кризис государственной власти, появление таких феноменов, как двоевластие, распад вертикально-иерархических структур власти, борьба между ветвями власти, схватка за власть Центра и мест, борьба политических лидеров за власть. Политический кризис — это и кризис нравственных, правовых начал в политике.

И если на такой кризис накладывается экономический кризис — общество оказывается перед катастрофой. Вот почему в попытках выйти из экономического кризиса первостепенное внимание надо уделять кризису политическому.

Пример правительства Гайдара также показывает, как опасен неучет резонансов в политике. Занятое только экономикой, оно полностью отдало сферу действия политических движений, партий, амбиций иным социальным структурам, иным лидерам. Идеология экономического детерминизма в лучших традициях марксистской теории общественного развития (экономический базис окажет в конечном счете свое воздействие на политическую надстройку) сыграла свою плохую шутку с, казалось бы, весьма компетентными, образованными руководителями правительства. Кризис власти с такой силой наложился на экономический кризис, что все российское общество оказалось в новой бифуркационной ситуации.

Иному политику сейчас представляется, что именно он владеет ситуацией, задает ей те или иные значения, на самом деле в сегодняшней резонансной политической ситуации события несут его как щепку в бурных течениях политического водоворота, и он едва-едва успевает хоть как-нибудь отреагировать на эти события, чтобы удержаться на поверхности, не захлебнуться. Таково свойство резонансов в политике — система приходит в бифуркационное состояние, пока какое-нибудь малое воздействие или иной импульс не приведут ее в новую фазу.

Как уже упоминалось, учет и признание важности случайностных явлений, которыми наполнена политика, — еще одно синергетическое нововведение. Но для того чтобы «управлять» случайным, следует, по-видимому, понять, что веер возможностей, открываемый случайным, все же ограничен определенным «полем», средой. Возможности в политике не беспредельны. Изучение «поля», среды, где открывается веер возможностей, становится важной политологической задачей.

Например, в современной цивилизации таким общим «полем» политического развития становится сфера интеллектуальной собственности, и не только для формирования новых направлений в политике, науке, научно-технической политике, в международном научно-техническом сотрудничестве. До сих пор политика в широком плане строилась и строится на социальных приключениях вещной собственности, на борьбе ее двух составляющих — частной и общественной, государственной собственности (также в самом широком смысле — в опосредованиях, институализации, геополитике и т. п.). Но вот, как остров в океане, поднялась сфера интеллектуальной собственности — результаты творческого труда в научной, художественной, производственной областях. Эти результаты становятся самым ценным продуктом общественного развития. В XXI веке, полагаю, не споры частной и общественной собственности, а споры вещной и интеллектуальной собственности составят суть, самые глубинные начала, содержание всей

политической жизни человечества. В этой связи не за горами и новые социальные структуры, и новые правовые требования интеллектуальных собственников, и новые объекты рыночных отношений, и даже развитие новых направлений в политике, например расцвет научно-технической политики.

Но ведь объекты интеллектуальной собственности появляются случайно, те или иные открытия, изобретения не приурочишь к знаменательным датам. И это новое и непредсказуемое в политической жизни — и как объект, и как сфера отношений — уже стоит на пороге, им и будет обозначена политическая жизнь XXI века¹⁵.

Наконец, политическая акупунктура — тоже новое, синергетическое умение оказывать малое воздействие на те точки политической среды, которые могут затем оказать определяющее влияние на всю политическую жизнь. Этому синергетическому акупунктурному искусству «управлять» политикой еще предстоит учиться. Ибо по сути — это тот еще недостаточно изученный способ, при котором воздействие осуществляется, главным образом, на микроуровне, а результаты возникают на макроуровне. И какие результаты!

Как известно, в человеческом организме около 600 локальных точек, куда можно вводить иглы (осуществлять акупунктуру — иглоукалывание), рассчитывая на благоприятные и предвидимые изменения организма. В политической системе их намного больше, но, тем не менее, и они могут быть локализованы и задействованы. И это тоже то принципиально новое, что вносит синергетика в политику.

Словом, если в комплексе рассмотреть методологические возможности синергетики применительно к политике, то, несмотря на имеющиеся сомнения, все-таки уже самые первые ее шаги показывают: возникает новая сфера знания — социальная, политическая, юридическая синергетика — и будущее за ней.

¹⁵ Об этих процессах см. Венгеров А. Правовой узел современности. «Общественные науки и современность», 1992, № 4.